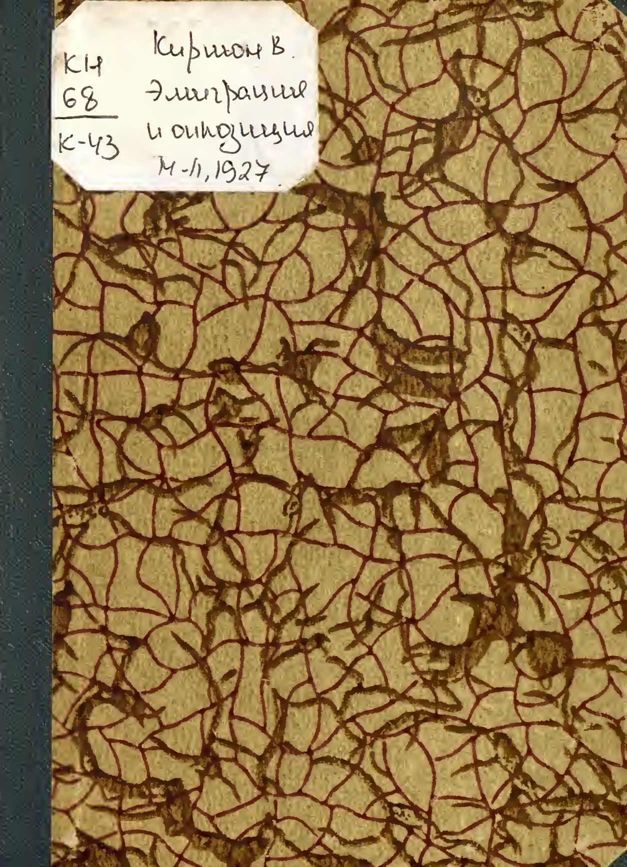
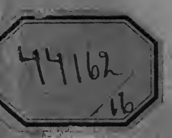

КН
68
К-43
Киршон В.
Эмиграция
и оппозиция
М.-Л., 1927

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. КИРШОН

ЭМИГРАЦИЯ И ОППОЗИЦИЯ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО МК ВКП (б)

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

МОСКВА. 9. Б. Дмитровка, 26.

ЛЕНИНГРАД. Проспект 25 Октября. 68.

НОВЫЕ КНИГИ ПРОТИВ ОППОЗИЦИОННОГО БЛОКА.

Н. УГЛАНОВ. — **Очередные задачи Московской организации.** Стр. 20, ц. 2 к.

А. [illegible] **ОВ.** — **Оппозиционные течения внутри ВКП (б).** [illegible] ц. 13 к.

Г [illegible] еньшевизм. Стр. 56, ц. 15 к.

П [illegible] **устриализации СССР.** (По реше- [illegible] КП (б). Стр. 80, ц. 25 к.

Н [illegible] **тно-единая партия.**

Н. [illegible] **оппозиция.** [illegible] е дополнен-

Я. [illegible] 6.

А. [illegible] 40 к.

Аг [illegible] **юка.**

Н [illegible] **документы).**

П [illegible] ц. 25 к.

А. [illegible] ювики, НОГ партия.

Вс [illegible]

А. [illegible] **ниже** [illegible] (Библ ка журн. [illegible]

З [illegible] шр [illegible] Б. Дмитровка. 46. [illegible] нинград Проспект [illegible] Зап. [illegible] сковский Рабочий».

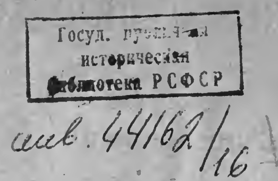
В. КИРШОН

ЭМИГРАЦИЯ и ОППОЗИЦИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ
Е. ЯРОСЛАВСКОГО

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

Типография Издательства
,,КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА"
Москва, Сущевская, 21.
Главлит 70.165. Тираж 10.000

Предисловие

Тридцать тысяч помещиков, которые раньше управляли Россией, тысячи капиталистов, фабрикантов, заводчиков и банкиров, многочисленная белая армия, генеральская и офицерская, выгнанные и бежавшие сановники, реакционные попы, проститутки и куртизанки, обанкротившиеся кадетские, меньшевистские и эсеровские политики,— вся эта накипь, грязь, весь этот смрад и чад старой России приютился за границей и ждет «движения воды», когда можно будет вновь оседлать рабоче-крестьянскую Россию во славу капитала. Каждое новое затруднение, которое мы переживаем, вызывает всегда преувеличенные надежды на приближение этого часа. Хотя все сроки, которые намечены были для падения советской власти, давным-давно прошли, однако, не было еще в истории советской страны такого момента, когда бы «Россия № 2»,—вся эмиграция,—белая, желтая, бледно-розовая, начиная от открытых черносотенцев-монархистов и кончая меньшевиками,—не собиралась вернуться в нашу страну «спасать Россию». Так было во все дни героической, отчаянной борьбы 1918-21 гг. в период гражданской войны, когда переменное счастье отдельных белогвардейских армий окрыляло надежды наших классовых врагов, когда разруха и голод заставляли колебаться отдельные отряды трудовых масс СССР; так было в дни Кронштадта, когда колебания части

нашей партии — «рабочей оппозиции», троцкистов и других—вселяли в эмигрантские круги надежду, что можно попробовать скинуть руководство коммунистической партии, сделать «маленькую передвижку власти», создать советы без коммунистов», как переходную меру к неприкрытой диктатуре пролетариата; так было и после, в дни грузинского восстания, в дни голода в нашей стране, в дни, когда трудности хозяйственного порядка—«ножницы»—опять заставили колебаться наиболее слабые звенья в нашей партии—группу троцкистов с одной стороны, а с другой стороны тех товарищей, которые слишком поддаются паническим настроениям и готовы переходить от крайних уступок кулаку к паническим крикам о «кулацкой опасности».

Эмиграция — это тоже своего рода барометр, барометр политических настроений наших классовых врагов. Не лишнее, время от времени, посмотреть на этот барометр—какие в нем изменения происходят.

Наиболее бурный сдвиг стрелки, показывающей политические настроения этого эмигрантского барометра, вызвала новая оппозиция. Никогда еще ни одна группа в нашей партии не вызывала столь радостных надежд, столь «благодарственных» статей по адресу оппозиции, сколько и какие вызвала новая оппозиция: отдельные статьи «Социалистического Вестника», «Дней», «Последних Новостей»—это настоящий гимн оппозиции. Для эмиграции не так важны те или иные оттенки оппозиционных групп, входящих в нынешний блок, не важно, как оппозиция сама себя расценивает; для нее не важны отдельные разногласия между этими группами; для нее важно только одно: что новая оппозиция подрывает диктатуру пролетариата, расшатывает ее, расчи-

щает дорогу для «новой» — старой России, России № 2, — для белогвардейской, эсеровской, меньшевистской эмигрантщины. Там уже складывают чемоданчики, там уже не спорят о том, означает ли это конец, гибель советской власти, там спорят только о том, в какой форме теперь придет эта власть — в форме ли полной гибели коммунистической партии или в форме какого-нибудь коалиционного правительства с участием тех или иных эмигрантских кругов.

Если голос классового врага что-нибудь означает, то надо к нему внимательно прислушиваться. Выросшая активность членов нашей миллионной коммунистической партии сказывается, между прочим, и в том, что она требует все больше обильных документальных материалов, она не довольствуется одним голым утверждением, что эмиграция поддерживает оппозицию. Поэтому можно приветствовать этот опыт подытоживания эмигрантских отзывов об оппозиционных группах ВКП(б) последнего времени.

Конечно, при изучении этих материалов необходимо иметь в виду, что классовый враг наш иногда использовывает разногласия, возникающие в нашей партии, для того, чтобы «расширить щель разногласий», превратить ее в непроходимую пропасть. Мы еще не стоим перед таким положением, когда пропасть стала непроходимой, когда разногласий нельзя изжить. Мы считаем, что для оппозиции существует полная возможность подчиниться решениям партии, дружно сработаться с партией. Мы считаем, что в наших политических условиях нет никаких данных, оправдывающих раскол. Мы считаем, что, несмотря на наличие глубоких принципиальных разногласий, подавляющее большинство партии настолько определенно, настолько отчетливо поддерживает линию XIV

с'езда и последующие партийные решения, настолько тесно сплочено вокруг ленинского ЦК, что партия может заставить несогласных подчиниться этим решениям и добросовестно проводить их в жизнь. Для этого нужно только еще более отчетливое, сознательное отношение массы членов партии к тем опасностям, какие таит в себе линия оппозиции. Поэтому внимательное изучение взглядов нашего классового врага поможет повышению этой сознательности. Такое внимательное отношение необходимо, конечно, и со стороны оппозиции к этому голосу врага; оно должно предостеречь ее от дальнейших шагов, которые действительно угрожают всем завоеваниям пролетарской революции и несут в себе величайшие опасности для дальнейшего социалистического строительства.

Ем. Ярославский.

I

Об аналогиях тт. Зиновьева и Каменева и своевременном заявлении т. Шляпникова

Оппозиционному блоку, вобравшему в себя все течения, осужденные партией, из которых каждое имеет собственный рецепт исправления генеральной линии, как будто бы чрезвычайно трудно выступить с единой, сколько-нибудь целостной, программой. Если для партии совершенно ясны об'ективные причины, скрепившие «мостиками» троцкизм с рабочей оппозицией, Сокольникова с Преображенским, а всех их вместе с Зиновьевым и Каменевым, и партия без труда в общем хаосе правых, «левых» и ультра-«левых» платформ различает голос враждебной пролетарской революции стихии, то самим участникам разношерстного блока суб'ективно нелегко сговориться, увязать, натянуть на одну колодку то, что им самим лишь неделю тому назад казалось несовместимым. «Блочники» ищут выхода, спешно пытаются скроить и сшить единую платформу, сознательно закрывая глаза на то, что она у них получается схожей с одеялом из ярких, разноцветных лоскутков. В процессе этой срочной работы одни тт. отказываются от всего того, что с пеной у рта ранее защищали, другие начинают мыслить по-новому,

отмечая к общему удовольствию всего блока, что находят у вчерашних противников «очень много верного», третьи попросту заявляют, что «они всегда это говорили», и, таким образом,

Работа движется,
господь им помогай!

Но пока суть да дело и одеяло будет окончательно готово, необходимы какие-то общие лозунги, об'единяющие положения, для которых можно ни от чего не отрекаться и ничего не забывать. Нужны ни к чему не обязывающие, приемлемые для всех положения, вокруг которых можно сплотить и собрать недовольных. Такие положения были найдены. В качестве положительной «нейтральной» программы выдвинута приставка—**подлинно,** подлинная помощь бедноте, подлинное улучшение положения рабочего класса, подлинная индустриализация, подлинное... и т. д. А в части критической, во главу угла взято положение о перерождении руководства нашей партии и утверждение, что линия, которую она ведет, в связи с этим, в согласии с меньшевиками, на руку буржуазии, на гибель пролетарского государства и на торжество буржуазной демократии.

— Бонапартизм! капитулянтство! меньшевизм! термидор! — ходячие словечки, которыми оперируют тт. из оппозиционного блока.

«Такая аргументация ведет прямехонько в Амстердам», говорит тов. Зиновьев о линии, защищаемой Политбюро, и ехидно цитирует на пленуме ЦК Мартова и Дана — вот, мол, докатились товарищи!

«Вам, тов. Ворошилов и тов. Рыков, надобно из **Ленина** то, что может, хотя бы, в извращен-

ном виде, поддержать ваши оппортунистические ошибки так же, как оппортунистам германской социал-демократии из Маркса нужно было то, что способно было прикрыть их оппортунизм», — заявляет на том же пленуме тов. Каменев.

А тов. Шляпников, со свойственной ему «теоретической» решительностью, так оценивает положение вещей в «Большевике»:

> «Как и что думают о нас меньшевики, редакция может узнать в их центральном органе «Социалистическом Вестнике». «Социалистический Вестник» давно считает нас «реакционно-коммунистическими утопистами», а, подводя итоги нашему XIV с'езду, он оценил руководящее его большинство, как реальных политиков. **Мы знаем, что меньшевики всегда считали себя и себе подобных «реальными» политиками, а нас, большевиков, «утопистами»** *) (курсив мой. В. К.).

Из цитаты, как видит читатель, неоспоримо вытекает, что ныне большевик Шляпников подвержен гонению со стороны меньшевиков, а большинство с'езда взято меньшевиками под опеку, как «им подобное», и восхваляется в центральном органе «Социалистическом Вестнике». Положение, действительно, совершенно ненормальное. Становится понятным, почему нашим «подлинным большевикам» необходимо решительным образом выступить против меньшевикоподобного большинства. Но... имеется, однако, маленькое «но». Дело в том, что информация тов. Шляпникова, как бы это сказать поудобнее, не вполне соответствует действительности.

---

*) «Большевик» № 17, стр. 70.

Однако, самый факт апелляции к меньшевикам заслуживает внимания. В самом деле! Партийное руководство обвиняется в линии, которая льет воду на мельницу буржуазии, в соглашательстве, в меньшевизме. Откровенно-буржуазные и буржуазно-меньшевистские идеологи Гессены, Милюковы, Черновы, Керенские, Даны, Абрамовичи, Далины существуют, о событиях, происходящих у нас, знают, разбираются, имеют свое мнение:

> «...и в настоящее время все взоры напряженно устремлены в Россию, все сердца усиленно бьются в тревожном ожидании грозно надвигающейся развязки, все внимание поглощено обгоняющими одно другое известиями».

Так пишут в «Руле», и это «напряженное внимание» обще для всех этих господ. Мнение их выслушать, действительно, не безынтересно, тут призыв тов. Шляпникова совершенно своевременен. Оппозиция кричит, что партия помогает буржуазии. Посмотрим, что скажут буржуазные вожди. Оппозиция толкует о пути большинства в Амстердам, послушаем, что скажут об этом пути амстердамцы. Лидеры оппозиции цитируют назидательно Мартова, посмотрим,—может быть, это не так и неуместно, кое-кому, может быть, и в самом деле пора сменить Ленина Мартовым.

Посмотрим!

Но можно ли вообще придавать значение тому, что говорят эти люди, у которых только бешеная злоба и ненависть по отношению к нам? Казалось бы, не стоит и слушать.

Это было бы неправильно.

У Салтыкова - Щедрина есть сказка—«Игрушечного дела людишки». Там он описывает куклы, которые мастерски выделывает знакомый его игрушечник Изуверов. Куклы эти двигаются и дей-

ствуют. Когда автору пришлось поговорить с одной из них — «коллежским ассесором Мздоимцем», у которого «лицо вздернутое кверху, самодовольное, с узким лбом и выдающимися скулами, а глаза маленькие, подвижные и блудливые»,—разговор у них протекал так:

— Понимаешь ли ты, коллежский ассесор, какое значение слово «правда» имеет?

Молчание.

— А бога боишься?

Молчание.

— Ну, что бы еще... На пользу ближнему послужить не прочь?

Опять и опять молчание. Я в недоумении взглянул на Изуверова:

— Не понимает-с,—об'яснил он кратко.

Но зато, когда к «коллежскому ассесору» подошел мужик, «он вдруг» плотоядно и пронзительно взвизгнул:

— Пàпп-пà.

И тотчас же вырвал у мужика из-за пазухи гуся, которого тут же, при неистовом гоготании птицы, живьем и сожрал.

Российские «мздоимцы», статские и тайные советники, хозяева, помещики не знают значения слова «правда», им совершенно непонятна наша работа для строительства социализма, так как работы не для личных своих целей они не признают. Но они оживляются и проявляют бешеную деятельность, когда происходит что-либо, что может, хотя бы отдаленно, воскресить их гаснущие надежды вновь обирать «мужика» и рабочего. Тут у них тонкий до крайности нюх, они мгновенно начинают всматриваться и давать оценки, иногда очень верные. Туповатым и недалеким вообще, им хорошо видно, когда чьи-либо ошибки или чья-либо деятельность идет им на пользу.

Классовые враги тут начинают говорить такие вещи, мимо которых пройти нельзя.

Ильич учил нас прислушиваться к тому, что говорит классовый враг. При чем прислушиваться не просто, а взвешивая, что враги подвергают злостной критике, а что хвалят и к чему присоединяются. Партия должна знать, что говорят классовые враги о линии ЦК и о линии оппозиционного блока, взвесить эти оценки и сделать надлежащие выводы. Не наша вина, тов. Шляпников, если эти выводы будут не совсем такие, как вам хотелось бы. А, чтобы вы не кричали потом о ложной информации, мы будем точно указывать даты и авторов статей, которые будем цитировать из «Нового Времени», «Руля», «Последних Новостей», «Дней» и «Социалистического Вестника».

II

„Не будем скрывать нашей радости“

«В общем итоге XIV с'езд обрубил последние канаты, привязывавшие советскую власть к берегу Октябрьской революции. Теперь с удвоенной быстротой помчится она по течению, по направлению к тому порту, от которого с ужасом отворачивается экипаж, но который уже виден в лучах медленно разгорающейся над Россией зари грядущей свободы».

Так красочно рисуют в передовой статье 30 декабря «Последние Новости» положение в СССР. Подхватывая каждое малейшее сведение о разногласиях на с'езде, белогвардейцы всех оттенков ударили в бубны и литавры, снова и снова провозгласив конец нашей партии. Потеряв всяческую надежду на использование собственных сил для борьбы с ненавистной им диктатурой пролета-

риата, они ликуют и радуются, если им кажется, что единство партии поколеблено, если находятся группы, подрывающие это единство.

«Большевики дали один из замечательнейших в мировой истории примеров единения и дисциплины»,

пишут те же «Последние Новости». Это единение, губительное для господ из-за границы, выступлениями оппозиции, содокладом тов. Зиновьева на XIV с'езде было нарушено. И вот белые теоретики спешат дать свою оценку самому факту разногласий.

«Скандал или дискуссия с Троцким, хотя и был предвестником, но в сущности чисто партийные и пролетарские круги затронул очень поверхностно. Троцкий, несмотря на весь блеск своего газетного авантюризма, не был близким партии человеком. Он то входил в нее, то выходил, то ссорился с самим Лениным, «крутил», как выражались партийные рабочие»,

пишет передовик «Руля» 22 января 1926 года. Теперь же положение другое, — захлебываются «Последние Новости»:

«Теперь уже некому безапелляционно толковать ленинизм, некому карать за фракционерство, некому преследовать уклоны, ибо сами толкователи разошлись в толкованиях, ибо сами хранители единства образовали две фракции, ибо сами руководители обвиняют друг друга в уклонах»...

«Этот раскол сразу же проник и в партийную и в рабочую массу и уже провел там несколько борозд, которые будут углубляться и разветвляться. След этих борозд не исчезнет», подхватывает «Руль». (22 января 1926 г.).

Но если он это делает осторожно, заранее подготавливая для себя лазейку—«если даже и изживут разногласия, след все равно останется» (надежда на «след»), то обще-признанные белые дураки из «Нового Времени» просто орут, забравшись на белградские колокольни:

> «Уже одно количество оппозиционных групп свидетельствует, что прежней единой, твердо спаянной железной дисциплины в коммунистической партии более в России нет. Компартия развалилась, распалась на несколько враждующих между собой осколков. Значение подобного события понятно».

Белогвардейские борзописцы готовы уже справлять тризну по погибшей советской власти и партии, уже в газетах их (в который раз?) дебатируется вопрос о том, что будет «на другой день после падения большевиков». Уже начали грызться между собой «демократы» и «социалисты» по вопросу о том, кто из них будет нашими преемниками. Однако, особой уверенности у белогвардейцев нет. Слишком знакома им способность нашей партии справляться со всякими трудностями. Слишком много раз приходилось им видеть, что партия наша единым коллективом умеет сохранить единство и монолитность, если ей даже и приходится для этого кое с кем расстаться. Слишком много раз приходилось белогвардейцам раскладывать уже упакованные для поездки в Россию чемоданы, и это кое-чему их научило. Гордый призыв «Дней»:

> «Положительная, повелительная сейчас задача всей русской демократии состоит в том, чтобы как можно скорее без всякого выбора между сталинцами и зиновьевцами нанести им решительный удар!!.».

остался пустозвонной фразой. Белогвардейские воители занялись другим делом, они стали оценивать позиции борющихся сторон и взвешивать, какая программа больше всего подходит для них, какая линия сулит им надежду на возвращение их домой, а России — к старым порядкам. На этой их «работе» мы и остановимся подробно. Пока же отметим—разногласия чрезвычайно радуют и окрыляют белогвардейцев. **Белогвардейцы ставят ставку на разногласия и раскол нашей партии.** В самом факте дискуссии белогвардейцы справедливо усматривают опасность для советской власти. Белогвардейцы надеются, что враждебные пролетарской диктатуре элементы используют дискуссию, которая, конечно, ослабляет положительную работу партии, заставляя ее бороться с враждебными течениями изнутри.

«Не должно ли примирять их друг с другом сознание той радости и тех надежд, которые их взаимная борьба вызывает во всех их врагах? Всюду настораживаются эти враги; затаив дыхание, ожидают следующих известий».

спрашивает господин Гессен в «Руле». Он надеется, что, несмотря на то, что партия знает опасности, знает, что дискуссия, как лихорадка, ослабляет здоровый организм, она все же не сможет прекратить борьбы. Статья эта называется «Судьба». Господин Гессен сам, не веруя, хочет уверить своих спутников по заграничному вояжу, что «судьба» вмешалась в наши внутрипартийные дела и заставит во что бы то ни стало вести дискуссию.

«**Не будем скрывать нашей радости.** Она не заставит большевиков прекратить своего боя» (29 июля 1926 г.).

Пусть Гессен утешается и подкрепляет свои писания «научными» ссылками на «судьбу». Пусть даже взывает он к господу богу. Пусть «Дни» подкрепляют свои надежды «извещениями», подобно появившимся 30 июля 1926 года:

> **«В Москве по 25 июля арестованы 547 (какая точность!) коммунистов и комсомольцев. Аресты в гарнизоне. Вытребованы броневики. Захват нелегальной типографии зиновьевцев».**

Это все им мало поможет. Партия знает, что «всюду настораживаются враги», и никому не позволит втянуть ее в дискуссионную горячку. А радость господ эмигрантов преждевременна. Они не дождутся того, чего им так мучительно хочется.

III

,,Без иллюзий, без самообмана''

Белогвардейские теоретики не сразу решили вопрос, на кого им можно рассчитывать, не сразу определили, победа какой стороны им выгодней. Они присматривались, примеривали, взвешивали положения, выставленные во время спора, сопоставляли факты и программы и только после несомненных для себя выводов стали на определенную точку зрения.

Но это не мешало им в процессе «подбора материала» давать свою оценку отдельным проблемам, продолжать на страницах своих газет споры, которые велись у нас на с'ездах или в печати. Отчеты о заседаниях XIV с'езда партии, а затем отчеты пленумов и дискуссионные статьи сопровождались комментариями, часто подробными статьями, в которых эмигрантская мысль формулировала свое отношение к затронутым проблемам.

Белогвардейцы пока по отдельным вопросам становились на чью-либо сторону, с чьей-либо аргументацией соглашались. Для того, чтобы нам была вполне понятна **общая оценка,** данная эмиграцией разногласиям в нашей партии, мы не можем пройти мимо разбора **отдельных проблем.**

Первый вопрос, который нашел в белой печати оживленный отклик, был вопрос о госкапитализме и социализме. Теоретики буржуазии мгновенно учуяли громадную важность этого вопроса. Есть ли у нас элементы социализма? Социалистическая ли наша промышленность, или капиталистическая? Это ли не вопрос, на котором могут не мало заработать буржуазные теоретики! Если промышленность не социалистическая, значит, есть эксплоатация, значит, работа в общем и целом идет **на капитализм,** и тогда—зачем же было огород городить? Зачем же было прогонять хозяев-капиталистов, если вновь создаем мы капиталистическую промышленность? Если даже промышленность в СССР не социалистическая, то куда же ведут большевики пролетариат? Вновь к капитализму? Тогда долой их! Их линия враждебна пролетариату, с ними нужно бороться! И вот в этом важнейшем вопросе вся белогвардейская печать, без исключения, стала на точку зрения товарищей Зиновьева и Каменева. Идеологи буржуазии очень решительно выступили за формулировку оппозиции, сожалея, однако, что оппозиционеры так поздно усвоили то, что они давно говорили.

> «Социалистических элементов в нэпе нет. Он — уродливая форма капиталистического строя... Экономический строй, установившийся после нэпа, Ленин называл государственным капитализмом. В этом вопросе в споре между Зиновьевым и Сталиным прав Зиновьев»,

авторитетно заявляет господин Прокопович в своем докладе 27 марта в Париже. Не подлежит этот вопрос «никакому сомнению» и с точки зрения сотрудничающего в «Руле» кадетского профессора Каминки. В статье «Государственный капитализм или социализм» он пишет:

«Государство является и должно являться по отношению к своей промышленности настоящим предпринимателем, строящим все производство на коммерческих основаниях. Капиталистический момент в советской промышленности, вместе с противоположением интересов рабочих интересам предпринимателя, не может подлежать никакому сомнению».

А другой профессор, который пишет экономические статьи в «Последних Новостях», раз'ясняет это положение, заимствовав аргументацию у тов. Каменева, выступившего на сезде со сранной теорией, что **«наши предприятия по отношению к собственности — социалистичны, по отношению людей—еще нет»** *):

«Нельзя отказать Каменеву в правоте, когда он доказывал, что организация труда, форма выплаты зарплаты, работа на рынок и, наконец, формы эксплоатации труда, которые он иносказательно называет отношениями людей, господствующими в госкапиталистических предприятиях, делают их весьма далекими от социализма» («Последние Новости» 23 февраля 1926 г.).

Но окончательно «воздает по заслугам» товарищам из оппозиции тот самый «Социалистический Вестник», к которому апеллирует тов. Шляпников. Один из знаменитой троицы (Дан, Далин, Абрамович)—Дан—так расшаркивается перед тов. Зиновьевым:

*) Стенографический отчет XIV с'езда ВКП (б), стр. 259.

«Нам редко приходится отмечать заслуги Зиновьева, но, сказав, что национализированная промышленность России есть по своему внутреннему строению, по преимуществу, капиталистическая промышленность, он высказал то, что есть. И в этом его несомненная, хотя, конечно, и невольная заслуга перед русским и международным пролетариатом» («Социалистический Вестник» 27 февраля 1926 г.).

Воистину лучше не скажешь, но в чрезвычайно интересном дискуссионном сборнике «Проблемы революции», к которому мы еще неоднократно вернемся, он задним числом напоминает, что и покойник Мартов высказывался на сей счет совершенно определенно:

«Необходимо в настоящее время подчеркивать, что, поскольку государственное хозяйство неизбежно останется, **оно не имеет ничего общего с социализмом, являясь государственным капитализмом в точном смысле этого слова** (а не в большевистском извращении)» (курсив мой. В. К.).

Взглянув на формулировку этого вопроса тов. Зиновьевым, когда он, обнадежив партию, что «окончательный исход будет в пользу социализма», заявляет: **«а до тех пор без иллюзий, без самообмана. Госкапитализм назовемте госкапитализмом»***), мы можем установить, что тов. Зиновьев не впервой цитирует Мартова, только иногда он об этом демонстративно заявляет, как это было на пленуме, а иногда, как в данном случае, предпочитает промолчать. Однако, оставим этот, в достаточной степени, выясненный вопрос,

---

*) Г. Зиновьев. «Ленинизм», Ленинград, 1926 г., стр. 233.

и перейдем к другой проблеме, чрезвычайно близко с первой связанной — **о характере советского государства.**

IV

Гарви — Оссовский — Троцкий

Совершенно естественно, что товарищи, усомнившиеся в социалистическом характере нашей государственной промышленности, неизбежно должны были «колебнуться» и в вопросе о государстве. Если в хозяйстве нашем — и в городе и в деревне—социалистических элементов нет, а мы «делаем только **первые шаги к подходу** (курсив мой. В. К.) превращения современного переходного предприятия «социалистического типа» (кавычки Залуцкого), но работающего еще на началах госкапитализма, в подлинно-социалистическое предприятие» *), как пишет тов. Залуцкий, т. е. социалистической **базы** в промышленности у нас нет, а на нас давит мелкобуржуазное и капиталистическое окружение, то, естественно, возникает вопрос, чьи же интересы выражает наше государство. Пролетарское ли оно? Направлена ли деятельность его в сторону приближения к социализму, или, может быть, оно тоже «госкапиталистическое» — **«без иллюзий, без самообмана»!**

Вопрос этот в связи с оппозиционной трактовкой «госкапитализма», повторяем, встает неизбежно, и неудивительно, что тот же Залуцкий, наиболее последовательный оппозиционер из всего блока, этот вопрос ставит: «государственный аппарат — это та призма, через которую прело-

---

*) Залуцкий. «Звеновые организаторы и их задачи», стр. 7.

мляются пролетарские мелко-буржуазные и даже буржуазно-капиталистические стремления» *). Плюнув на все, чему учил нас Вл. Ильич по вопросу о государстве, Залуцкий первый из оппозиционеров заявил о **«непролетарском характере нашего государства».** И мелко-буржуазные и даже **буржуазно-капиталистические** стремления выражает наше государство, и, конечно, смешно толковать при этих условиях о какой-то диктатуре пролетариата. Государство, которое отражает враждебные пролетариату стремления, уже не является его государством, — оно является государством **над ним,** а может стать и **против него.** Из этого логически связного построения вытекает, что пролетариат должен подумать о своей **собственной** линии, чтобы противостоять государству, выражающему стремление нескольких классов, которое может потянуть и к бонапартизму и к «демократии» и еще чорт его знает к чему.

К этому и приходит другой последовательный оппозиционер Оссовский. В своей статье «Партия к XIV с'езду», противопоставив рабочий класс государству, он говорит, что пролетариату нужна **своя линия** по отношению к государственной власти, своя основанная на собственных классовых интересах критика, которая «должна ставить себе целью дать отпор атакам со стороны вкрапленных **в генерально-руководящую линию** (курсив мой. В. К.) советского государства частно-капиталистических элементов» **). Оценка этого вопроса белой печатью весьма любопытна. Все, без исключения, газеты радостно подхватывают поло-

---

*) Залуцкий. «Звеновые организаторы и их задачи», стр. 10.

**) Оссовский. «Партия к XIV с'езду», «Большевик», № 14, стр. 67.

жение о непролетарском характере советского государства, но, однако, совсем не в том смысле, как это понимают оппозиционеры. Белогвардейцы рады покричать, что большевики не выражают воли «народа», что большевики захватчики, и что в России диктатура не пролетариата, а кучки большевиков, но согласиться, что советское государство **защищает их интересы,** они не намерены. Наоборот, они слишком хорошо знают, что **ничего подобного нет,** что интересы социальных групп, которые они представляют, к сожалению, защищаются только белыми газетами, которые они сами же издают. Оссовский и вслед за ним повторяющие его теории хотят уверить кадетов и эсеров, что наше государство выражает интересы капиталистов и кулаков. Кадеты и эсеры, которые рады поддержать всякую критику диктатуры пролетариата, в этом случае решительно отнекиваются. Милюков или Чернов, ежели бы им довелось беседовать на эту тему по душам с Оссовским, наверное, похлопав его по плечу, ласково бы промолвили: «Ну, это вы, батенька, зарапортовались: где же там «защищают», наоборот, **давят нас,** да и вы же сами—будьте только последовательны—предлагаете **легализовать нас** (см. дальше) для **защиты** капиталистических интересов — вот это нам на руку! мы за это».

> «Честное и последовательное проведение левых социальных идей не может не привести в конце концов к правым, т.-е. к демократическим выводам в смысле политического строя России. Коммунист, **реально думающий** об интересах рабочих, не может в конце концов не притти к тем же выводам, к которым приводит крестьянский уклон» (курсив мой. В. К.),

гладит Оссовского по головке Милюков в статье «Новая идеология» (13 августа 1926 г.). В этом на-

правлении и работайте, а насчет того, что само советское государство защищает наши интересы— бросьте! Это никак не правильно. Наоборот, нужно сказать, что этого нет и этого требовать нельзя.

Коммунист (к счастью, бывший! В. К.), **«реально думающий об интересах рабочих»,** Оссовский хочет уверить рабочих, что их государство защищает буржуазные интересы. Буржуазия, в лице своих теоретиков, открещивается от заявлений Оссовского и плачется на свое **неравноправие —** прекрасное зрелище.

Милюков называет все это «новой идеологией». Однако, ничего нового тут нет. По соседству с Милюковым издается орган старых, испытанных «реальных защитников рабочего класса», ведущих к правым демократическим выводам,—меньшевиков. Эти защитники издали во исполнение постановления своего пленума 1924 года в 1926 году дискуссионный сборник № 1. Там представитель правого крыла П. Гарви развивает те же мысли, что и «левый» последовательный оппозиционер Оссовский. Господин Милюков, раз'ясняя своим читателям предложения Оссовского, характеризует их так:

> «Поскольку интересы рабочих находят искреннюю или демагогическую защиту у некоторых коммунистов, это сначала **выражается в требовании отмены уступок крестьянству, политики безудержной индустриализации, высоких цен** и т. п. (курсив мой. В. К.). На этой безнадежной позиции еще до сих пор застряли зиновьевцы. Но у Оссовского имеется дальнейший шаг, за которым уже начинается действительное просветление. У него выход заключается уже не в усиленной расправе с крестьянством, а, наоборот, в **освобождении проле-**

тариата от исключительной ответственности **за государство** в открытом допущении других элементов к государственному делу, что даст возможность и самим рабочим бороться за свои интересы» (13 августа 1926 г.).

За такую защиту интересов рабочих, как проповедь **отказа от политической власти,** Милюков горой. Но ведь это самое пишет П. Гарви, которого П. Н. Милюков также удостоил своей похвалы.

Посмотрим однако, что говорят оба эти «реальные защитники интересов рабочего класса».

Вот что заявляет, давая оценку положения в СССР, Гарви:

Рабочий класс в интересах своей освободительной борьбы должен прежде всего добиваться **последовательной демократии.** Кто будет у власти при демократическом строе, решается соотношением общественных сил, более или менее точное выражение находящим в парламенте. При господстве капиталистических отношений в по-революционной России совершенно миновать стадии политического господства буржуазии, опирающейся на те или иные слои собственного крестьян-

Вот как помогает ему Оссовский:

Меньшевики и эсеры или другие с подобным старым содержанием, с другими названиями и другими вождями были бы довольны хотя бы возможностью одного легального существования без всякой претензии **пока** (курсив мой. В. К.) на значительную роль в руководящей и правящей власти. Если **возврат к такому идеальному п о л о ж е н и ю** (курсив мой. В. К.) воз можен, то почему же партии при создавшейся обстановке **активно** не содействовать этому возврату? Ведь такой возврат освободил бы

ства, очевидно, не удастся *).	ВКП от роли защитников **капиталистических элементов нашего хозяйства** с их положительными и отрицательными сторонами **).

Оссовский, боясь договориться до конца и явно противореча своим исчислениям (см. стр. 69), в которых доказывает все более увеличивающийся рост буржуазных элементов, **«о задержке в развитии которых не может быть и речи»** ***), толкует еще о том, что надо «постараться» **пока удержать** власть в своих руках. Гарви же ставит вопрос прямо:

«Значит, рабочий класс должен добровольно отказаться от власти в пользу буржуазии?»

Откровенному меньшевику, лидеру правого крыла, не зачем выражаться иносказательно, он на этот вопрос отвечает не менее четко:

«Так вопрос может стоять только для тех, кто полагает, что власть не номинально, а реально находится сейчас **в руках рабочего класса**, что диктатура РКП есть организованное **политическое господство пролетариата, а не диктатура над пролетариатом».**

А вот тов. Троцкий—нынешний вождь оппозиционного блока,—взяв под защиту Оссовского, принужден, связанный, повидимому, **суб'ективными революционными намерениями,** лишь изредка произносить формулировочки, которые только нере-

---

*) «Проблема революции». Гарви, стр. 13.

**) Оссовский. «Партия к XIV с'езду. «Большевик».

***) Там же.

шительностью отличаются от теперешних речей его бывших соратников, ибо что же иное значит фраза, что **«у нас государство далеко не пролетарское»**—как не робко высказанная мысль правого меньшевика Гарви.

Суб'ективные стремления—одно, а об'ективная линия, защищаемая оппозицией,—совершенно другое. Это прекрасно понимают наши враги.

> «За критикой идеологии и суб'ективных намерений различных групп было бы колоссальной ошибкой проглядеть ту об'ективную роль, которую они играют в процессе формирования классовых сил **и ликвидации диктатуры»,**

пишут 18 сентября в «Социалистическом Вестнике» меньшевики. Это прекрасно понимаем и мы, и да не посетуют на нас оппозиционеры за то, что их враждебную большевизму **об'ективную позицию** мы будем вскрывать до конца.

«При логическом продолжении этих вещей, необходимо рано или поздно притти к идее ниспровержения советской власти, ни больше ни меньше», заявил тов. **Бухарин** на ленинградском активе, разбирая постановку этого вопроса Оссовским и Троцким. Совершенно верно! Гарви для обоснования **этой мысли** и написал свою статью — он за «принципиально-революционное» отношение к ликвидации большевистской диктатуры, сиречь—он за ниспровержение советской власти. Интересно, что скажут на эту тему наши оппозиционные товарищи. Однако, не симптоматично ли, что, давая оценку позиции т. Зиновьева, «Дни» еще 26 января 1926 года пишут:

> «Зиновьев, правильно исходя из капиталистической сущности сегодняшней России, видит для ВКП (б) возможность только двух тактик: или **нужно свертывать удочки и возвра-**

щаться к положению классовой партии в буржуазном государстве, или следует еще раз попытаться ускорить сроки мировой революции и в самой России **проделать второй Октябрь— уже набело»** (курсив мой. В. К.).

V

О блоке Зиновьева с Троцким и о рабочекрестьянском блоке

Вопрос о том, «свертывать ли удочки», проделывать ли еще одну революцию или вести линию, которая может способствовать поступательному движению социализма, не может быть, однако, разрешен без точного представления взаимоотношений между двумя основными классами нашей страны—пролетариатом и крестьянством. Если крестьянство в союзе с пролетариатом, и этот союз возможен в дальнейшем—одна оценка положения; если блок между рабочими и крестьянами невозможен, выводы будут совершенно другие. И в том и другом случае возможны различные программы и предложения, но отправная точка у всех программ и той и другой стороны будет зависеть от того, какое положение они положат в основу.

Поэтому естественно, что этот вопрос является важнейшим для понимания платформы оппозиции. Без разрешения его будут непонятны тактические предложения, исходящие от той или иной группы. Это прекрасно понимают и эмигранты. Чрезвычайно обстоятельно, со всей возможной для их буржуазной ограниченности глубиной, наши враги пытаются разобраться в этом вопросе.

Прежде, чем перейти к их оценке положения, восстановим в памяти те принципиальные точки зрения, которые были у различных групп оппозиции **до об'единения.**

Троцкий. Давно, отчетливо формулированная позиция **неверия** в рабоче-крестьянский блок. Или победит в ближайшее время, после захвата власти пролетариатом в одной стране, международная революция, или крестьянство уничтожит пролетарскую власть.

ВЫВОД: **блок невозможен.**

Рабочая оппозиция. Мелкое и мельчайшее производство обречено в обстановке нэпа на гибель, остальная «деревенщина»—мужицко-кулацкая буржуазия, враждебная нам не меньше буржуазии старой формации (платформа Медведева).

ВЫВОД: **блок невозможен.**

Зиновьев и Каменев. Принципиально союз с крестьянством возможен, но теперь при «расширении» нэпа представителями деревни являются кулаки. И в советах кулаки и... везде кулаки... при таких условиях блок невозможен... хотя с другой стороны...

ВЫВОД: **принципиально блок возможен... но...**

Вот схематично представленное отношение основных групп оппозиции по вопросу о рабоче-крестьянском блоке перед вступлением их в свой собственный «блок». Как мы видим, принципиально-отличная точка зрения была только у тов. Зиновьева и Каменева, которые пытались еще держаться на позициях ленинизма. Но к моменту апрельского пленума у тт. Зиновьева и Каменева окончательно пропадает уверенность в правильности пти революции, намеченного Ильичом, в их воображении начинает невообразимо расти кулак, которого они только и видят в деревне, не замечая ни бедняка, ни середняка.

«Во всяком случае упадочные, панические настроения, разочарование и неверие овладело оппозицией»,

замечает «Руль» (5 августа). Сомнение по вопросу о блоке (не оппозиционном, а рабоче-крестьянском) все больше и больше овладевает ими.

— Что происходит,—кричат они истошным голосом,—надо бросить все силы на борьбу с кулаком, надо принять против него решительные меры, потому что...

> «смычка происходит, но не та, о которой мечтает советская власть,—не смычка с рабочим городом, через индустрию и кооперацию, а смычка с новой буржуазией в деревне и в городе!!»

Это, правда, написал (11 февраля 1926 года) Абрамович в «Социалистическом Вестнике», однако, если тов. Зиновьев или Каменев на нас обидятся, мы беремся представить аналогичные выдержки из их речей, куда более «трагические»: «Частник прет! Нам нужна решительнейшая политика раскулачивания деревни»... и вот:

> «платформой намечающегося об'единения явился лозунг борьбы с кулацкой опасностью, с кулацким уклоном некоторых вождей партии. У Троцкого этот лозунг—логический вывод из его позиции в эпоху разговоров о ножницах и еще дальше из старой концепции о перманентной революции. Его выступления в этом направлении в известных пределах последовательны. Политически непоследовательно оно для Каменева и Зиновьева, которые всего полтора года тому назад были главными обличителями **троцкистского уклона от заветов Ленина о союзе пролетариата с крестьянством** (курсив мой. В. К.). Но политической логики от них никто уже не ждет. Договорились же они до одновременного утверждения, что промышлен-

ность имеет последовательно-социалистический характер, а отношения между рабочими и администрацией «явно-капиталистические». Для Каменева и Зиновьева их нынешняя позиция во многом определяется, несомненно, фракционными соображениями («Социалистический Вестник», 22 мая).

Господа меньшевики тонко подметили, как паника перед кулаком заставила тов. Зиновьева и Каменева забыть ленинское учение о рабоче-крестьянском блоке и скатиться к троцкизму.

Тов. Троцкий горделиво сказал партии: «я пришел к Ленину с боями». С какими боями пришли от **Ленина** к Троцкому т.т. Зиновьев и Каменев? Однако, у них есть одно утешение. Партия усомнилась в правильности того, что сказал Троцкий. Не в том, что шел он к **Ленину** «с боями»—Ильич неоднократно жестоко «учил» тов. Троцкого,—а в том, подлинно ли он к Ленину пришел. Шел-то шел, да вот пришел ли? Что касается тт. Зиновьева и Каменева, то их положение лучше. Боев, правда, не было, но зато к Троцкому они пришли—это подлинно, этого у них не отнять. Но пусть не думают тт. Зиновьев и Каменев, что они долго задержатся около тов. Троцкого,—нет, это только этап. Ибо что такое троцкизм? Самостоятельных теорий тов. Троцкого мы почти не знаем. То, что было у него положительного—это от Ильича, все же остальное—от меньшевистских шатаний.

Тов. Зиновьев на XIV с'езде партии сказал: «У нас есть умный враг Милюков», и предложил с'езду послушать то, что Милюков сказал о... (читатель догадался, конечно) о кулаке. Послушаем же теперь, что скажет умный Милюков по вопросу о том, **«как ноп скатилась к троцкизму»:**

«Как Зиновьев слева, так эта оппозиция справа (рабочая оппозиция. В. К.) примыкает к троцкизму в смысле одинакового констатирования факта—с крестьянами социализма в России не введешь. Но дальше Зиновьев говорит: «Тогда вводите социализм без крестьян, вытягивайте за уши за крестьянский счет национализированную промышленность. **Дерите с крестьянства три шкуры!»** Правая оппозиция возражает:—Нет, позвольте, тогда уж лучше не вводите социализма! Не вводите социализма, по крайней мере, теперь, сейчас же, не предрешая вопроса в будущем. Но это позиция меньшевизма. Это та позиция, от которой отошел **Ленин,** решившись на захват власти для введения социализма хотя бы обходным путем через мировую революцию, позиция, к которой теперь добросовестному социалисту приходится вернуться, когда все ленинские предпосылки—не программные, а кон'юнктурные и тактические—оказались опровергнутыми действительностью. Это и есть задняя мысль троцкизма, поскольку ее поддерживает правая оппозиция.

Да, скатиться к троцкизму значит скатиться в левый меньшевизм. В этом противники оппозиции правы. **Надо только и самой оппозиции быть последовательной до конца.** Ей надо признаться, что остановиться на левом меньшевизме нельзя, и итти дальше вплоть до программы рабочей оппозиции (2 сентября «Как ноп скатилась к троцкизму»).

«Умный враг», рекомендованный тов. Зиновьевым, оказал ему плохую услугу. Действительно, далеко не глупо проф. Милюков оценивает положение. Он правильно отмечает, что в вопросе о построении социализма совместно с крестьянством у

троцкизма и рабочей оппозиции разногласий нет, и что к этому же пришли Зиновьев с Каменевым, отказавшись от ленинского учения. За это «добросовестными социалистами» именует их Милюков, ибо для него отход тов. Зиновьева от ленинизма и приход к Троцкому знаменует логический путь «вплоть до программы рабочей оппозиции». Милюков понимает, что вывод «уж лучше не вводить социализм» логически вытекает из положения: «с крестьянами социализма не введешь», а отсюда следующая ступенька—теория Оссовского, которая подготавливает к отказу от политической власти. Это-то и нужно Милюкову, он поэтому просит тов. Зиновьева и Каменева долго не задерживаться на позициях левого меньшевизма.

Однако, господин Милюков может приятно порадоваться. Тт. Зиновьев и Каменев в **этом вопросе** вместе со своим учителем Троцким идут значительно дальше левого меньшевизма. Они тут целиком на правом его фланге. Не только левый меньшевизм (статья Валерьянова в сборнике «Проблемы революции»), но и центр, в лице Дана, Абрамовича, Далина, стоит на возможности союза пролетариата и крестьянства. Они, конечно, мыслят этот союз **по-своему,** при условии отказа от гегемонии пролетариата и перехода к демократической республике, что фактически сводит на-нет идею этого союза и ведет к господству буржуазии; но все же о возможности сотрудничества этих двух классов говорят. Считают невозможным всякое сотрудничество правые меньшевики. Далин так характеризует их платформу 25 апреля 1926 года в «Социалистическом Вестнике»:

> «Идея союза с крестьянством, на которой построена вся политика демократических партий и на которой в особенности базируется вы-

работанная года два назад платформа русской социал-демократии, теряет всякое практическое значение. О каком союзе можно говорить, **если контр-агентом является сплошь анти-демократическое «консервативное крестьянство»?** Возможны, конечно, отдельные соглашения - совместных действий в тот или иной момент. Но ни о каком прочном союзе не может быть и речи, и уж, конечно, о демократической власти рабочих и крестьянских партий не приходится говорить. От идеи союза с крестьянством надо отказаться, если не навсегда, то на целую большую эпоху» (курсив мой. В. К.).

Вот построение, откуда заимствована политическая мудрость тов. Зиновьева и Каменева. Вместо того, чтобы вместе со всей партией, которая кулацкую опасность учитывает, практически бороться с этой опасностью, эти товарищи ее раздувают. «Контр-агентом является сплошь анти-демократическое консервативное крестьянство». (Кулак! Кулак!) Значит, «от идеи союза с крестьянством» надо отказаться. Но отказаться от идеи союза с крестьянством значит отказаться от ленинизма и целиком примкнуть к позиции Троцкого. Правый меньшевик Гарви развивает свою платформу, которую смело можно, выкинув «идею трудовластия», выдать за платформу тов. Троцкого.

«Навязчивая идея «трудовластия», т.-е. совместного политического господства в России пролетариата и крестьянства для постепенного перехода к социализму, **пала вместе с расчетами на превращение буржуазной русской революции в перманентную социалистическую»** (курсив мой. В. К. *).

*) «Проблемы революции», статья Гарви, стр. 7.

Но тут последовательны и тов. Зиновьев и Каменев. Они не только примкнули к «блоку», возглавляемому Троцким, не только признали его идейное руководство сейчас, но и трижды отреклись от всего того, что они писали против Троцкого, заявив, что это было их большой **ошибкой.** Иногда очень выгодно быть забывчивым. Но нам-то забывать что-либо нет нужды. Поэтому мы, оценив соответствующим образом «перебежку» товарищей Зиновьева и Каменева в лоно троцкизма, вспомним, что тов. Зиновьев решительно об'явил троцкизм **правым крылом в РКП** *), и скажем его же словами:

Лозунг сегодняшнего дня—большевизация всех слоев партии. Идейная борьба против троцкизма **).

VI

О странном совпадении некоторых программ

Если крестьянство не союзник, если деревня является враждебной для нас стихией, то и церемониться с нею нечего; нужен такой курс, который, с одной стороны, давил бы на крестьянство политически, а с другой стороны, прижимал бы его экономическим прессом. Поэтому логически последовательным и продуманным является требование оппозиции об «ограничении» свободных выборов советов в деревне. Оппозиции мерещится, что в советы проходят кулаки, что советами ведется кулацкая политика. Советы защищают кулацкие интересы. Деревня — не союзник, значит, урезывай

*) Сборник «За ленинизм». Г. Зиновьев. «Большевизм или троцкизм», стр. 138.

**) Там же, стр. 150.

политическую ее активность. Контр-агент деревни—кулак, значит, свободно выбранные в деревне советы будут кулацкие. Бедноты, середняков в деревне как будто бы не существует, как будто бы не они играют решающую роль в выборах деревенских советов. По докладу тов. Молотова на июльском пленуме читатель знает действительное положение вещей. Только с точки зрения т. Зиновьева такая позиция последовательна. Однако, не менее последовательна и экономическая политика, предлагаемая оппозицией. Политика эта сформулирована тов. Преображенским. Он предлагает резкое **отчуждение** ресурсов из частного хозяйства в социалистическое или «перекачивать средства из крестьянского хозяйства в промышленность. Это ли не последовательно? Вся деревня в целом — «ибо беднота обречена» — об'является враждебной социалистическому строительству Зиновьевым и Каменевым, необходимость **эксплоатировать** (выражение Преображенского) деревню, как нечто единое, целое, «научно» доказывает Преображенский. Недаром его экономический «труд» получил высокое одобрение лидеров оппозиции. Полученные путем эксплоатации ресурсы нужно бросить на индустриализацию страны. **Индустриализация страны за счет непомерной эксплоатации крестьянского хозяйства** — вот что предлагает оппозиция, взамен взятого партией курса на реальную индустриализацию «в меру и в соотношении с теми ресурсами», которые у нас есть *), и в строгом согласовании плана индустриализации с темпом развития всего народного хозяйства в целом. Это у них называется выдержанной до конца **левой** программой. Но полно, **«подлинная»** ли это левизна? Приводит ли эта платформа толь-

*) Сталин. Отчет XIV с'езду ВКП(б).

ко к «реакционно-утопическим» выводам и является призывом к возврату военного коммунизма, как характеризуют ее «Дни», или эта программка, неожиданно для ее авторов, может расти в совершенно иную сторону?

Разберемся.

Оппозиция предлагает брать для нашей промышленности **внеэкономическим путем** и путем экономического нажима такое количество средств, которое будет значительно **больше** того, что деревня может дать промышленности и государству путем нормального обложения и в обмен на продукцию города. Но взять таким образом можно один раз, ибо, уже не говоря о политической стороне вопроса (мы еще вернемся к ней), **второй раз** деревня уже не сможет дать столько же, а **третий раз** не даст и того, что было взято во второй. Непомерное отчуждение заставит кривую развития сельского хозяйства пойти книзу. Хозяйство крестьянства, разоряемого по плану тов. Преображенского, начнет хиреть. Крестьянин, зная, что его будут стричь под гребенку, потеряет охоту производить больше, чем это нужно ему одному (опыт военного коммунизма), и в результате план «перекачки» лопается, ибо нечего будет перекачивать. Совершенно ясно, что это нелепо. Так же нелепо, как и нелепо зарезать курицу, несущую золотые яйца. Это понимают некоторые экономисты-практики, и вот они выступают со своей платформой, которая как будто противоположна, как будто исходит из других положений, но на самом деле является **реалистическим** продолжением якобы «ультра-левой» программы. Курицу резать нелепо, наоборот, курицу нужно лучше кормить, беречь и холить, думает быв. наркомфин тов. Сокольников.

«Какие же пути и средства Сокольников указывает для развития социалистических эле-

ментов хозяйства советской промышленности в настоящее время? В иностранные кредиты он не верит, внутри средств не находит, какой другой вывод можно сделать?»

спрашивают «Дни» в статье с знаменательным заглавием «Социал-соглашательство в РКП» (5 января 1926 года).

А вот какие. Увеличить средства мы можем только за счет деревенского хозяйства, но для этого нужно, чтобы деревня росла, развивалась, крепла. Тогда можно будет усилить сельско-хозяйственный экспорт, а благодаря этому получать больше средств для промышленности. Все как будто правильно. Мы тоже за развитие сельского хозяйства, мы тоже за привлечение средств из сельского хозяйства в промышленность. Но тут-то и оборачивается правой своей стороной такая левая, с виду, платформа. Имея чуткий нюх ко всякого рода правым уклончикам, «Последние Новости» немедленно отмечают:

«К дальнейшему развитию капиталистического хозяйства неизбежно должна вести в советских условиях так называемая аграрная политика, защищаемая некоторыми коммунистами с Сокольниковым во главе» (26 января 1926 г., Загорский.)

Загорский за **предложения Сокольникова.** Он **за** то, чтобы капиталистическое хозяйство росло. Но позвольте! Ведь Сокольников-то «левый»? Но ведь Сокольников борется против **правой** линии ЦК? Как это совместить? Что это за «аграрная» политика, защищаемая им? Мы поможем ему. Для того, чтобы выявить действительную «левизну» его предложений, мы сравним его платформу с платформой, которую развивает, соглашаясь с Шаниным, 5 января 1926 года в «Последних Новостях» проф. Кулишер:

«Сейчас форсировать развитие промышленности можно лишь за счет задержки в развитии сельского хозяйства, это является совершенно неэкономным с точки зрения общих интересов народного хозяйства. Правильная политика заключается, напротив, в том, чтобы, **не стремясь к равновесию и не занимаясь иммобилизацией имеющейся в стране продукции путем ее вложения в основные капиталы индустрии,** удовлетворять потребности сельского хозяйства не только из внутренней промышленности, **но и путем ввоза из-за границы»** (курсив мой. В. К.).

Это, совершенно отчетливо, та же программа, которую развивал Сокольников на XIV с'езде. Развивайте в **первую очередь** сельское хозяйство. Бросьте пока заботы о промышленности. Товары выписывайте из-за границы. Совпадение программ **полное.** Вызывает сомнение вновь только одно: Кулишер вместе с Милюковым, развивая эту программу, ставят, как правильно указывает тов. Зиновьев, **ставку на кулака.** А тов. Сокольников? Ведь он же против кулацкой опасности? Почему же, во имя всего святого, мы должны верить тов. Сокольникову, что его программа действительно левая?

Но, ставши на путь расширения в **первую голову** сельского хозяйства, развитие которого «совершенно недостаточно» *), тов. Сокольников делает следующий шажок вправо и предлагает для развития сельского хозяйства **отменить монополию внешней торговли,** что, с его точки зрения, усилило бы хлебный экспорт, а, усилив его, тем самым укрепило бы деревню. Тот же Загорский так оценивает этот новый «сдвижок» тов. Сокольникова:

*) Сокольников. «Осенние заминки и проблемы хозяйственного развертывания». Изд. Наркомфина. 1926 г., стр. 14.

«Для того, чтобы не основывать расширение с.-х. продукции на дешевом труде и на своеобразном с.-х. «демпинге» *), **необходимо прежде всего отменить монополию внешней торговли, как это и предлагал Сокольников»** (какое единение! В. К.). Но, приняв эту меру, коммунистическая партия, несомненно, открыла бы дверь такому широкому проникновению во все области народного хозяйства и такому усилению частного капитала, **что последняя командная высота—госпромышленность—пала бы сама собой и без всякого приступа»** (26 января 1926 г., курсив мой. В. К.).

Загорский оценивает положение совершенно правильно: отказ от монополии внешней торговли, важнейшей командной высоты, явится гибельным для нашей промышленности. Но ведь Сокольников, так же, как Преображенский, так же, как Троцкий и Зиновьев, ходит в «левых», ведь еще на XIV с'езде партии он начал свою речь с того, что кулацкая опасность растет, «середняк смыкается с верхушкой» и т. д., и т. п.

Политика, предлагаемая Сокольниковым, откровенно-буржуазная, откревенно анти-ленинская, и недаром все без исключения белогвардейские теоретики подняли его на щит.

Как же уживаются вместе архи-левые «реставраторы военного коммунизма» с архи-правым Сокольниковым?—недоумевает проф. Кулишер. Он предполагает соображения фракционного порядка:

«Действительно, если Сокольников тактически блокируется с Зиновьевым (вероятно, просто для самозащиты от поднятой против него травли), то на деле его оппозиция прямо

---

*) Демпинг — экспорт товаров по пониженным ценам или даже ниже себестоимости.

противоположна зиновьевской—это оппозиция с другой стороны» (5 января 1926 г.).

Профессорам из «Последних Новостей» в январе месяце еще казалось, что позиция Зиновьева, действительно, левая, они **тогда** еще не могли увязать «левый» и правый уклон. Мы же видим, что не только фракционные соображения толкнули Сокольникова в оппозиционный блок, а «левых» лидеров заставили принять бывшего Наркомфина с распростертыми об'ятиями, нигде не отмежевавшись от его позиции. Платформа Сокольникова—оборотная сторона платформы Преображенского, дальнейшее ее развитие. Если... если соратники Преображенского не хотят сознательно вести диктатуру пролетариата к краху. И тут мы рассмотрим этот вопрос с политической стороны.

Крестьянство **не потерпит** внеэкономического отчуждения непомерных средств из своего хозяйства. Крестьянство **не допустит** реставрации военного коммунизма, к которому ведет, как будто бы «левая фраза». Последовательно проводить такую политику могут только те, кто считает необходимым «свертывать удочки», отказаться от политической власти и перейти на положение «классово-выдержанной» партии в буржуазном государстве. «Левизна» такого предложения совершенно очевидна. Буржуазные теоретики за такую «левизну». Если же не вести к краху,—а мы не думаем, что оппозиция хочет пойти по этому пути, — то «в интересах народного хозяйства в целом» Сокольников предлагает для того, чтобы побольше «брать» с «частного хозяйства», укреплять частное хозяйство **за счет промышленности.** Ибо для этой цели можно и товарную интервенцию допустить, и монополию внешней торговли похерить. Начнется, правда, бешеный рост капиталистических элементов—ну, что же, тогда можно будет,

как предлагает Оссовский, легализовать буржуазные партии, которые «пока не будут претендовать на власть», и поговорить о демократии, т.-е. тоже «свертывать удочки». Круг замыкается. «Левизна» обнаруживает свою подлинную сущность.

«Левые» теории в вопросах экономики неизбежно толкают к правой политике. Отказ от ленинской теории неизбежно приводит к враждебной пролетарской революции практике. Проверим это еще на одном вопросе, который оппозиция кладет чуть ли не во главу угла своих экономических требований — вопросе **о повышении оптовых цен.** Проводимому Центральным Комитетом неуклонному курсу на снижение цен промышленных товаров оппозиция противопоставляет свое положение о необходимости цены повышать. Аргументация у них, примерно, такая: оптовые цены у нас сравнительно не велики. Розничные же стоят на высоком уровне—выходит, что разница идет на руку частнику, деревенскому кулаку, торговцу. Давайте повысим **оптовые цены,** тогда эта разница будет оставаться в промышленности.

Предложение с виду совершенно левое: во-первых, против частника-кулака, во-вторых, за накопление средств в промышленности, т.-е. за более быстрый темп индустриализации, т.-е. вполне увязано с общей линией экономической оппозиционной платформы. Однако, разберем этот пунктик поподробнее. Что означает в условиях **нехватки товаров**—частичного товарного голода,—под'ем оптовых цен? Это значит — немедленно погнать вверх и розничные цены. Это значит, что тот самый частник, против которого ратуют оппозиционеры, немедленно начнет продавать по более высокой цене, которая принесет ему прибыли не меньше, чем теперь. В. Смирнов, в статье, направленной против курса партии и напечатанной в жур-

нале «Красная Новь», повидимому, **заранее** зная, что всякий здравомыслящий человек укажет на эту опасность, неудачно пытается доказать неправильность такой постановки вопроса:

> «Эмпирическое» наблюдение над движением оптовых и розничных цен показывает, что на протяжении двух лет никакой прямой зависимости розничных цен от оптовых нет» *).

«Эмпирические» наблюдения тов. Смирнова, в подтверждение которых он, увы, цифры не привел, могут остаться при нем. Но мы **не верим**, чтобы лидеры оппозиционного блока, среди которых есть достаточно грамотные экономисты, не понимали бы факта зависимости розничных и оптовых цен. Тов. Пятаков, развивая предложение о повышении отпускных цен, тоже отрицал неизбежность повышения цен розничных (вот уж, действительно, логика фракционной борьбы: прикажут—будешь открытие Америки оспаривать!), но, формулируя свою позицию, он не мог этих вопросов не связать—«если нужно и можно, почему не сделать маневр—поднять отпускные цены на те товары, на которые имеется у нас недостаток и которые отпускаются частнику? Продержаться на нем некоторое время и потом на основе расширенного производства **сделать параллельное снижение и розничных оптовых цен»** (курсив мой. В. К.).

Пятаков в порядке «блочной» дисциплины может защищать все, что угодно, но ему-то, так же, как и другим, прекрасно известно, что речь может итти только о **параллельном** снижении или повышении и оптовых и розничных цен. Оппозиция **знает об этом**, но продолжает свое предложение защищать. А из предложения этого не менее отчетливо и наглядно, чем в первом случае, выпирает

*) «Красная Новь», № 5.

правая его сущность. Левое одеяние явно не в состоянии прикрыть наготу откровенно-правого уклона. Что означает в наших условиях повышение цен на товары? В первую очередь это удар по рабочим—рабочий будет платить за продукты первой необходимости дороже, и таким образом **реальная заработная плата его полетит вниз** (а ведь левая **фраза** у оппозиции — «увеличивай зарплату!»). Затем это удар по деревенской бедноте—беднота просто не сможет покупать нашей продукции по высокой цене (а ведь «левая» демагогия оппозиции: «вы не помогаете бедноте!»), и, наконец, это ударяет по середняку, который снова испытывает на себе острие экономических ножниц (это, впрочем, последовательно—«где он, в природе, середняк, **бери с деревни как можно больше»)**— вот и весь смысл «левой» платформы оппозиции в вопросе о ценах. «Левизна» ее становится еще более убедительной, когда мы обратимся к чрезвычайно интересному рассуждению, тоже по вопросу о ценах, другого «умного врага» — проф. Бруцкуса, того самого, на которого в свое время обрушился Владимир Ильич.

> «Если бы правительство предоставило стихии рынка определение цен промышленных изделий, то на известном, конечно, **довольно высоком уровне цен** равновесие между спросом и предложением установилось бы. Товары направлялись бы к **наиболее платежеспособному покупателю и в своей большей массе ушли бы в экономически крепнущую деревню.** Но этого естественного ценообразования советская власть допустить не желает, и регулирование цен приводит к тому, что товары расхватываются **привилегированными группами городского населения»** (16 мая 1926 г. «Индустриализация и бестоварье», Бруцкус. Курсив везде мой. В. К.).

Проф. Бруцкус проповедует **повышение цен,** ибо это будет выгодно **экономически - крепким слоям деревни,** в первую очередь, конечно, кулаку, **за** которого проф. Бруцкус. Но ведь наши оппозиционеры кричат, что они **против кулака.** Проф. Бруцкус против того, что товары идут «к городскому населению», и в первую голову рабочим, но ведь он **против улучшения положения рабочего класса,** а наши оппозиционеры кричат, что они «подлинно» **за!** Почему же «левые» предложения «сверхиндустриализаторов», «подлинных защитников бедноты», «подлинных борцов» за улучшение положения рабочего класса, и прочая, и прочая, и прочая, сходятся с программами буржуазных профессоров? Да потому, что, скатываясь к меньшевизму по основным вопросам революционной теории, оппозиционеры неизбежно, во всех практических программах приходят к реакционным правым предложениям.

Буржуазные идеологи, не вслушиваясь в эту р-р-революционную фразеологию, внимательно прислушиваются именно к этим предложениям и на основании **этих** предложений, а отнюдь не фразеологии, дают свою общую оценку.

«Последние Новости» ставят вопрос:

«Самым темным местом в спорах оппозиции с господствующей группой Сталина является вопрос: с какой стороны ведется атака? Как будто слева, а как будто справа. Слова ультра-левые, а **читать их иногда приходится в ультра-правом смысле.** От того, как их читать, конечно, зависит целиком наше суждение об оппозиции. Точно ли Зиновьев тянет назад, к временам военного коммунизма, и если он тянет туда, как об'яснить, что в какие-нибудь полгода, со времени XIV партс'езда,

он перекатился к Троцкому, относительно «левизны» которого существует вполне определенное сомнение? Таким образом, Зиновьев, будучи вынужденным отказаться от свирепых выходок против Троцкого, решился, сверх того, публично сказать, что в их старом спор был прав Троцкий, а не он. Как совместить все это с несомненной «левизной» Зиновьева?» (2 сентября 1926 г. Кавычки везде Милюкова. Курсив мой. В. К.).

... Ставят, и, разбираясь в «ультра-левых» словах Зиновьева, которые (увы, тов. Зиновьев), приходится читать **в ультра-правом** смысле, буржуазные газеты и меньшевики делают **выводы**..

К этим выводам мы и перейдем.

VII

Не все то левое, что кричит

Гремит, переливается «левая» трескотня: «бедняцкий лидер Зиновьев» громит бонапартистов. Кричит «рабочий вождь» Шляпников, бия себя кулаком в грудь. «Демократ» Каменев вопит о расширении демократии. А белые деятели всех мастей, пропуская мимо ушей весь этот шум, подытоживают **предложения.** Их не удивишь левыми криками.

> «Следует ли заключить с полной несомненностью, с полной откровенностью, что рекомендуемая Зиновьевым **реакция есть реакция налево»?**

спрашивают «Последние Новости» (2 сентября 1926 г), разобравшись в оппозиционных предложениях и выкриках. В этом для белогвардейцев центральный вопрос, и нужно сказать, что линия у них на этот счет почти у всех совпадает.

«Военно-коммунистические и социально-мировые утопии Зиновьева и Троцкого остаются их личным достоянием; в массах из всей их проповеди и всей их борьбы за внутрипартийную свободу «для себя», помимо и опять-таки, быть может, вопреки их намерениям, вылупляется один лозунг, столь заплеванный и загаженный большевиками во все предыдущие годы — **политическая свобода».**

Так пишет меньшевик Дан 18 сентября 1926 г. А «Дни», подразумевая под «социальной смесью» враждебные пролетарской революции силы, так характеризуют сущность оппозиционных выступлений:

«Социальная смесь» таким образом действует двойным ударом: во вне ростом экономики частно - капиталистической, кулачеcкой и частно - торгового капитала, **внутри же идейным натиском об'единенной оппозиции»** (19 августа. Курсив мой. В. К.).

Раньше мы видели, что в «Руле» понимают, что союз между «левой» и правой частью оппозиции приводит неизбежно к **перевесу** правой части. В другой статье они еще раз заявляют, что **правую** позицию не отличишь от «левой».

«Как и в предыдущем случае внутренней борьбы большевиков, так и в теперешнем — впрочем, являющемся лишь расширенным продолжением того, — наблюдается общее явление: оппозиция включает в себя одновременно и правые и левые элементы. Иногда, как случай с Троцким, даже и непонятно, справа или слева идет удар» (4 августа 1926 г.).

Мы сомневаемся, однако, чтобы это было действительно непонятно господам из гессеновского

«Руля». Ибо «Последние Новости» 11 сентября несомненно выразили общее мнение, заявив, что

> «Троцкий, конечно, получил популярность именно как «лидер правой оппозиции».

Разве в «Руле» не знают, что в нынешней оппозиции лидерствует Троцкий?

И, наконец, исчерпывающую оценку дает профессор Милюков, заявив, что

> «у новой оппозиции весьма **реальная** программа, основанная на несомненных интересах рабочего класса, хотя и противоречащих отчасти интересам крестьянства. Но эта программа, как **справедливо** замечает критик «Правды», в сущности равносильна ликвидации коммунистической партии» (29 июля 1926 г. Курсив мой. В. К.) *).

Как убийственно дурно пахнет **реальная программа, основанная на интересах рабочих,** которую хвалит Милюков. Даже если бы мы не знали всего того, что предлагает оппозиция «в интересах рабочих», этого одного было бы достаточно, чтобы усомниться в действительной **пользе** Пятаковско (цены)-Сокольнических (отмена монополии Внешторга) предложений. Очень хороша эта программа в «интересах» рабочих, которая нравится Милюкову, ибо ведет **«к ликвидации коммунистической партии».**

Что же касается левых фраз, белогвардейцы не сетуют на них, ибо им понятно, что

> «они просто раздражением городской нищеты хотят воспользоваться, как удобным

---

*) Заметим, т. Шляпников, что **весьма реальной** Милюков называет платформу оппозиции. Вы, конечно, можете сказать, что вы говорили о платформе рабочей оппозиции. Не беспокойтесь—дойдем и до нее.

оружием для борьбы за власть для сохранения за собой командных высот внутри самой партии» (23 декабря).

Спекуляция на демагогических лозунгах, спекуляция на неустойчивых настроениях, вызванных хозяйственными затруднениями у отсталых групп рабочих,—вот **тактика** оппозиции. Это понимают и в «Руле». Оценивая трудности текущего года, они так характеризуют отношения оппозиционного блока к этим трудностям:

> «Последние очень ловко пользуются этой ахиллесовой пятой и обрушиваются на неудачи власти» (13 августа 1926 г.).

Белогвардейцы не сетуют на «левые» громы, их не проведешь на приставке «подлинно», для них гораздо важнее действительная сущность линии оппозиции и **об'ективная** ее роль в деле борьбы с диктатурой пролетариата.

> «Полемика Молотова с Оссовским дает возможность еще раз проверить, в какой степени не фразеология, **а самое существо оппозиционной критики направляется против правительственного курса не слева, а справа»** (26 августа 1926 г. Курсив мой. В. К.),

пишет в «Последних Новостях» Милюков, а меньшевики раз'ясняют, почему это так.

> «В этом, а не в чем другом заключается историческое значение оппозиции. Социальные силы, развязываемые ею, весят на весах истории больше, чем ее суб'ективные намерения, утопии и иллюзии. Это так очевидно, что нетрудно заметить, как в своем развитии не большевистская «оппозиция» подчиняет себе пробуждаемые ею социальные пласты, **а сама подчиняются их возрастающему влиянию»** «Социалистический Вестник» 18 сентября).

Вот в чем гвоздь вопроса. Эмигрантская печать понимает, что наши оппозиционеры все больше и больше становятся **рупором** враждебной пролетарской революции стихии, и в этом видит громадное **положительное** (для себя, конечно, В. К.) значение оппозиции.

«**Действенными** лозунгами всей оппозиции оказались именно те лозунги, которые в массах расшифровываются, как призыв к борьбе с диктатурой за политическую свободу. И было бы неумно закрывать глаза на то, что логика положения заставила и самую оппозицию сделать в этом отношении маленький, **но принципиально знаменательный шаг вперед.** Впервые ставится вопрос не только о свободе мнений внутри компартии (Троцкистский период) и не только о свободе группировок внутри ее (XIV с'езд), но и о свободе группировок **вне ее.** Впервые со всей остротой выдвигается и перед лицом миллионов читателей и слушателей дебатируется вопрос уже не о том, должна ли быть компартия едина, а о том, должна ли она быть **единственна.** Из большевистских рядов со страниц большевистской печати несется в массы дискуссия, заставляющая их задуматься над «легализацией» других партий, т.-е., иначе говоря, **над ликвидацией политической монополии,** или — что то же— — **диктатуры коммунистической партии.**

Что может более ярко характеризовать ту реально-историческую роль, которую играет оппозиция, хотя бы десятки виднейших вождей ее клялись всеми богами Коминтерна в верности ленинизму?» (18 сентября).

Целиком и полностью согласны с «Последними Новостями» и «Дни»:

«Собственно говоря, разными путями, но одинаково обе оппозиции,—обе левые, а если хотите, то **обе правые**—фактически ведут к ликвидации большевистской диктатуры в России (27 июля, передовая «О Медведеве и Зиновьеве»).

Не верят в революционность лозунгов оппозиции и меньшевики. Устами П. Гарви они преподносят нашим любителям исторических аналогий аналогию, совершенно убийственную для них».

«И как некогда левые заговорщики 9 термидора вынуждены были опереться на болото, на правых, во власти которых они очутились на другой день победы над Робеспьером, так и коммунистическая оппозиция в случае своего, весьма, впрочем, проблематического успеха, неизбежно попадет в об'ятия «устроившихся революционеров» и наседающей на них новой советской буржуазии» («Проблемы революции», Гарви, стр. 22).

Вот, т. Шляпников, оценка, которую вы рекомендовали узнать.

Что-то не особенно сходна она с вашей.

«Но о рабочей оппозиции **непосредственно** ничего нет!» Можете закричать вы, выделив (так, конечно, чтобы никто из ваших товарищей не знал) свою группу из блока в целом. Однако, в таком случае вы рассердитесь преждевременно. Вы просили обратиться к «Социалистическому Вестнику». Извольте, вот вам его оценка:

«Медведевская платформа ценна тем, что она указывает на возможности другого развития, на **синтез принципиальной решительной оппозиционности с экономическим реализмом.** Не вполне продуманная, не всегда решитель-

ная, **она все же знаменует громадный идейный прогресс в среде пролетарских элементов коммунизма»** (26 июня. Передовая. Курсив мой. В. К.).

Ну, вот то, чего вы добивались т. Шляпников. Поистине нечего тут прибавить. **Мы ведь знаем, что меньшевики всегда считали себя и себе подобных «реальными» политиками, а нас, большевиков, «утопистами»** *). Вы, правда, еще не все продумали, не вполне решительны, но в основном вы на правильном пути. Работайте в том же направлении и дальше.

VIII

Кого не жалуют белые теоретики

Не всем удается получать похвалы белогвардейской печати. Руководящему большинству ЦК в этом отношении положительно не везет. Казалось бы, вот послушать оппозицию — перерождаются люди против интересов «рабочего класса», пошли за кулака, за капитализм, в общем тут-то и хвалить. Но белогвардейцы сомневаются в утверждениях оппозиции. Они предпочитают присматриваться сами. А, присматриваясь, они не видят причин расточать похвалы.

> «Разве того же не боится и правящая группа, проводящая всю эту политику? Разве ее руководители говорят: роль частника возрастает и это хорошо? Ничего подобного! Достаточно прочитать речи Дзержинского, Бухарина, Рыкова, чтобы убедиться в обратном. В обратном заключается весь смысл в полемике.

---

*) Взгляните, читатель, на страницу пятую.

Помимо жестоких обвинений в невежественности и бесхозяйственности (они взаимны), Дзержинский уличает Каменева в том, что он недостаточно обуздывает частный капитал. Центровики утверждают, что социалистическая часть промышленности растет быстрее частной, что пролетарское влияние не умаляется в советах, что государство остается и останется пролетарским. И, вместе с тем, они нисколько не отрицают провозглашенных оппозицией опасностей. Бухарин, например, признает опасность «бюрократического перерождения», также признают они и кулацкую опасность, только считая, что она пока незначительна, и что они сумеют ее предотвратить» («Руль» 10 августа 1926 г. Передовая).

Господа белогвардейцы не договаривают. Да, о том же говорит и оппозиция, но она об этом только **говорит. Практика** у нее, как мы видели выше, совсем другая, а вот ЦК на основании этой политики определенную линию **ведет,** а эта линия так характеризуется Марковым в «Днях» 14 мая 1926 года:

«Не только добросовестное отношение к интересам страны, но даже забота о собственной личной семье, казалось бы, говорят о том, что большевики должны **торопиться с экономическими уступками.** И в это некоторые начинают верить. Надо думать, что наличие таких уступок **сумели бы использовать.** Едва ли даже можно было бы игнорировать эти уступки и вообще кому бы то ни было. Но нам кажется, что **в настоящее время большевики никаких уступок не делают»** (курсив мой. В. К.).

Правый эсер Марков жаждет уступок, которые, по его мнению, **«сумели бы использовать»,** но—

увы—большевики ни экономических ни политических уступок **не делают.** Это очень сердит господ эмигрантов. Если раньше, бывало, кое-какие мероприятия ЦК и оценивались положительно, то зато теперь положение вполне определенно. Они не хвалят руководящее большинство ЦК. Нет, **Ожесточенно ругают,** целиком присоединяясь к критике его... оппозиционным блоком.

> «Критический анализ сталинской индустриализации и социализации в России право-левой оппозиции **совершенно безукоризнен.** Конечно, госпромышленность отстает от сельского хозяйства. Конечно, происходит капиталистическое перерождение хозорганов и смычка их с нэпманами; конечно, частный капитал грозовой тучей навис над пустующей социалистической казной; конечно, официальная партийная линия социалистического строительства сплошная болтология» (4 августа),

ставят свой штемпель на критике оппозиции «Дни».

> «С какой остротой оппозиция подмечает все признаки прогрессирующего мелко-буржуазного перерождения, как госаппарата, так и правящей партии! С какой силой разоблачает близорукость правящей группы, зарывающей голову в песок и стремящейся обмануть себя и других уверениями в том, что все обстоит благополучно! Как справедливы нападки оппозиции, обличающие ту систему подавления всякого проблеска критики и свободы мысли и ту духовную мертвечину, которая господствует внутри компартии, и ее указания на то, что при такого рода внутреннем строе революционная партия никогда не сможет выполнить тех исторических задач, которые пе-

ред ней стоят! И, наконец, как правильны ее указания на все усиливающееся влияние непролетарских элементов в советском государстве, которое, благодаря этому, все более и более поворачивается к рабочему классу, как продавцу своей рабочей силы, и взваливает на его плечи все издержки нэпа!» (25 августа. «Где выход»),

вторит Абрамович в «Социалистическом Вестнике».

И, наконец, «Руль» сочувственно советует оппозиционерам приехать в Берлин для развития своих взглядов. Это, конечно, белогвардейская шуточка. Но как она симптоматична и характерна!

«Наступает явным образом время, когда большевистской оппозиции необходимо завести свой орган за границей, свою заграничную «Новую Искру». Ничего не поделаешь, Зиновьев или Троцкий должны собой пожертвовать и, перебравшись за грницу, примерно в Берлин, открыть по соседству с «Рулем» или с «Социалистическим Вестником» свою газету» (5 августа 1926 года. «Пора в Берлин»).

Это шуточка, но вот уже совершенно не до шуток от тех **практических выводов,** которые делают эмигранты из своей оценки течений в нашей партии. Не только в виду особого интереса тов. Шляпникова к позиции меньшевиков, но и по иным причинам, которые читатель увидит ниже, выделен вопрос о меньшевиках в отдельную главу.

IX

Меньшевики протягивают братскую руку

«Практическая часть нашей партийной платформы (весна 1924 г.) была формулирована в немалой степени, как платформа со-

глашения с теми элементами правящей партии, которые, как предполагалось, «способны поставить вопрос о демократии в обще-государственном масштабе» («Проблемы революции»), замечает Гарви. Посмотрим, как выглядит этот пункт в дословной формулировке:

«И лишь под давлением развивающегося и приходящего к классовому самосознанию рабочего движения могли бы выделиться из **внутрипартийной оппозиции** действительно пролетарские и революционно-демократические элементы, способные поставить вопрос о демократии в обще-государственном масштабе, сыграть, благодаря своему положению, значительную роль в деле подготовки **демократической** ликвидации диктатуры» («Соц. Вестн.» 20 июня 1924 года. «Партийная платформа РСДРП»).

Итак, заметим, что у меньшевиков даже в партийной платформе формулирована ставка на **элементы**, которые могли бы выделиться из **внутрипартийной оппозиции** и которые были бы **действительно** (так и хочется написать — **подлинно)** революционно-демократическими. Поэтому оценка их нашей внутрипартийной борьбы не просто беспристрастное наблюдение «со стороны», но оценка **всегда с определенной точки зрения** — с точки зрения возможности найти в той или иной группе коммунистической партии **союзника** для совместной работы по ликвидации пролетарской диктатуры. Под этим углом зрения их присоединение к той или иной группе имеет для нас **сугубый политический интерес.**

«Относительный экономический реализм на стороне большинства. Значит ли это, что социал-демократия может с большинством ком-

партии связывать расчеты на демократическое перерождение диктатуры, на соглашение и прочее? (Гарви, стр. 22),

заявляет известный нам ранее Гарви. С этими каши не сваришь! Да и не только с этими. Гарви, проповедывающий «революционное свержение советской власти», вообще не верит в соглашение с какой бы то ни было коммунистической группировкой.

«Какая бы клика ни победила в борьбе за ленинское наследство — эта победа неизбежно явится лишь новым этапом на пути бонапартистского выражения большевистской диктатуры» (там же),

утверждает он. Но это его утверждение не находит сочувствия в меньшевистских рядах. Меньшевики после **своей** оценки совершенно твердо, совершенно недвусмысленно заняли другую позицию.

«Борьба внутри большевистской партии есть неустранимый фактор политического развития России. В этой борьбе находит выражение борьба общественных классов. Силам, впитанным в себя компартией и втянутым в орбиту ее влияния, не только суждено принимать участие в процессе ликвидации ее диктатуры, но без их видного участия вообще немыслимо представить себе эту ликвидацию; от них нельзя огородиться непроходимым рвом; их приходится принимать в расчет, в качестве слагаемых, при построении политических планов и перспектив» («Социалистический Вестник», 18 сентября).

Обидно меньшевикам, что с судьбами только большевистской партии связано политическое развитие России. Страшно жаль им, что их пар-

тия представлена только жалкими осколками и никакой роли в процессе развития нашей страны не играет, но они не унывают.

> «Вопрос о выходе, т.-е. о предотвращении бонапартистской реакции, сводится к тому, сможет ли в процессе распада правящей партии образоваться в ней такая **достаточно сильная и влиятельная группа—фактически все равно, под каким соусом и в каком идеологическом облачении** — заговорить меньшевистской прозой и сплотить вокруг себя **фактически на с.-д. платформе,** те еще не разложившиеся элементы, которые имеются еще на обоих нынешних флангах ВКП». (25 августа. Абрамович. «На другой день»).

Нет у них своих сил, может, найдутся в самой **правящей партии** (про «распад», которой меньшевики твердят уже 23 года, ни больше ни меньше) такие элементы, которые будут «стоять» на с.-д. платформе.

Такая возможность действительно не исключена. «Сплотить» на с.-д. платформе, конечно, никого не удастся, но «элементы» могут оказаться. И не только потому, что партия впитала в себя не мало бывших меньшевиков и даже лидеров меньшевистских, но и потому, что отдельные **суб'ективно,** может быть, и революционные—товарищи могут совершенно независимо от своих желаний выражать настроения и чаяния капиталистических элементов в нашей стране, которые зреют, ищут выхода, и требования которых принимают иногда куда какой левый оттенок. Сам Дан 27 февраля в «Социалистическом Вестнике» правильно формулирует эту мысль, он говорит о

ВКП, что к борьбе —

«в ее собственных рядах присоединяется могучий напор крепнущих общественных сил, до поры до времени только через ее рупор имеющих возможность громко заявлять о себе».

Вот на то, что требования этих **крепнущих** «общественных сил» получат выражение в платформе нашей внутрипартийной оппозиции, и рассчитывают господа меньшевики. Они ждут, они слушают, не зазвучит ли за высокими тонкими нотами зиновьевских речей такой родной, такой близкий их сердцу, грубоватый басок: «это мы-с **крепнущие»!** и не заговорит ли он «меньшевистской или эсеровской прозой».

До 18 сентября меньшевики выжидали. Но последние события, последние факты их убедили; они уверились, что **«оппозиция не сама подчиняет себе пробуждаемые ею пласты, а сама подчиняется их возрастающему влиянию,** и вот реши- и вот решительно меньшевики бросают свой авторитет на чашку весов, где меряются силы оппозиции:

«Социал-демократия никак не может не ставить ставку «на оппозицию», не поддерживать» ее, но она не выполнила бы своего долга, если бы не ухватилась за те элементы исторического прогресса, которые имеются в борьбе оппозиции, с тем, чтобы, исходя из них, попытаться толкнуть мысль не только широких рабочих масс, но и поколебавшихся в «своем ленинизме» рабочих коммунистов обоих станов к тем политическим выводам, которые диктуются их классовым положением в по-революционной обстановке. **Оппозиция взращивает не только в рабочих массах, но и в среде рабочих коммунистов ростки таких**

идей и настроений, которые при умелом уходе легко могут дать социал-демократические плоды» 18 сентября. «Новый фазис междоусобицы». Дан).

Лучше формулировать вопрос нельзя. Однако, с меньшевиками получается обычный казус. Они упорно не хотят понять, что их авторитет не только невесом, но и исторически обречен портить репутацию тех, на поддержку кого они выступают. Мы твердо уверены, что их выступления действительно **«толкнут мысль не только широких рабочих масс, но и поколебавшихся в своем ленинизме рабочих коммунистов обоих станов к тем политическим выводам, которые диктуются их классовым положением.** Коммунисты, которых могут смутить демагогические лозунги и левые выкрики, твердо должны учесть:

1. Что меньшевики видят путь к меньшевизму через школу... оппозиционного блока.

2. Что меньшевики, ставящие ставку на группу, которая сможет изнутри содействовать гибели пролетарской диктатуры, **ставят эту ставку на новую оппозицию.**

3. Что меньшевики не только целиком присоединяются к критике оппозицией линии нашего ЦК, но и заявляют, что **это их критика, у них заимствованная.**

Не должно ли это т.т. оппозиционеров **заставить** задуматься, куда они идут?

Либерданы, не надеясь на свои силы, рассчитывают заработать политический капитал, благодаря нашей внутрипартийной борьбе. Они, наверное, уже обсуждают платформу соглашения, надеясь на раскол партии. Они, наверное, ждут, не пришлют ли к ним парламентером Оссовского потолковать об условиях их легализации. Наверное

очень учащенным темпом бьются меньшевистские сердца.

Напрасное сердцебиение.

Раскола в нашей партии не будет. Партия его не допустит; самое большое, что меньшевики могут получить—это незначительную группу таких оппозиционеров, которые не откажутся от своих ошибок и не вернутся обратно с того опасного пути, который, неизбежно, помимо их желания, ведет их к необходимости в скором времени издавать свою газету рядом с «Рулем» или «Социалистическим Вестником» *).

ГЛАВА X

Держитесь, идет подкрепление

Итак, меньшевики видят в оппозиционном блоке союзников, присоединяются ко всем пунктам его критики Центрального Комитета, готовы принять в свои об'ятия порвавших с ленинизмом оппозиционеров. Меньшевики одели спрятанные, до поры до времени, с февраля 1917 года красные розетки, изрядно выцветшие, превратившиеся в белые, и вышли встречать свернувших с ленинского пути на «левую» дорогу.

Какие же **практические выводы** делают остальные буржуазные течения? Безучастны ли они, или тоже **активно** готовы стать на чью-либо сторону?

Для этого нужно познакомиться с историей о «старом друге», который поднял большой шум за границей. Сей «старый друг», написав письмо из СССР в «Руль», во-первых, зло подшутил над редакцией, заявив, что «Руль» имеет в СССР сейчас значение, какое имел в свое время в Рос-

*) Оссовского, между прочим, господа меньшевики могут получить уже теперь.

сии герценовский «Колокол», а, во-вторых, поставил вопрос, который дал возможность всем направлениям немало исписать газетной бумаги.

> «Вы рветесь только к тому, чтобы «чемпионов» подзадорить, поддать жару, лучше стравить друг с другом. Верьте — это лишнее. Точка кипения уже достигнута и перейдена. Но в такую минуту нужно же выбрать, нужно самому себе сказать, **на чьей вы стороне.** Ох, не спешите, я слышу уже ваш ответ—оба хуже... но это же не ответ».

По поводу первого заявления газеты зло высмеяли незадачливую редакцию «Руля», принявшую похвалу «старого друга» всерьез, а по поводу второго открыли оживленную дискуссию.

Вопрос, как видит читатель, поставлен вполне определенно: **на чьей вы стороне?** Совсем как в советских анкетах.

На этот анкетный вопрос разные оттенки и направления буржуазной эмиграции ответили. Прежде всего ответил сам «Руль». Мудрый Гессен **сразу** избрал ответ, наиболее удобный для людей, **не сразу** умеющих разобраться. **«Оба хуже», —** так и написал он. Однако, эта «точка зрения» немедленно получила отповедь от Милюкова. Милюков, прочитав письмо «старого друга», так поучает эмиграцию:

> «Мы полагаем, однако, что вопрос, поставленный «старым другом», не только не праздный, но, напротив, весьма существенный. Дело не в том, конечно, чтобы спешить навязываться в сотрудники к будущему победителю, кто бы он ни был. Дело в том, чтобы разобраться прежде всего, идет ли речь о драке чисто личного свойства — о споре за власть той или другой «сволочи», как честит «старый друг»

«борющихся чемпионов», или же за спором стоят серьезные вопросы внутреннего бытия Советской России. Если ссора личная, то, конечно, нам в нее нечего соваться. Если же ссора имеет принципиальное значение, то уже тогда принять сторону необходимо» (25 августа 1926 года. Передовая).

Убежденные Милюковым и тактикой меньшевиков, явно принявших в конце концов определенную сторону, почти все газеты отказались от своей первоначальной позиции и стали этот вопрос обсуждать. «Последние Новости» так подводят итог дискуссии между белыми газетами, ставя вопрос **уже по существу:**

«Ныне демократические течения сошли с позиции **«оба хуже».** Следовательно, им остается искренне признать не тот выверт, что «оба лучше» по отрицательному признаку разрушения, а тот, что одно хуже, другое лучше (мы намеренно выражаемся: «одно, другое», а не «один, другой»)—**по положительному признаку** содействия стихийному процессу жизни, **готовящему ликвидацию советской власти».**

Итак, присоединение должно пойти не только к **критической** части «деятельности» оппозиции, но и к ее положительной «работе». Вначале, газета всемирно прославленного глупостью помощника присяжного поверенного Керенского, заняла позицию **«против Зиновьева»** (не **за** большинство ЦК, заметим, а **против** Зиновьева).

Почему?

«Когда во главе оппозиции будет Сокольников, поговорим, а пока лидерствует Зиновьев и Троцкий, будем лучше помнить, что

первый — откровенный реставратор военного коммунизма, а второй певец «каленого утюга» и идеолог красного террора» (5 сентября).

Статейку эту пишет некто Соловейчик, который, являясь достойным представителем достойной газеты, не сумел сразу усвоить, что **фраза** о военном коммунизме Зиновьева является лишь фиговым листком, лишь прикрытием махровоправых программ Сокольникова, Шляпникова, Оссовского.

Талин в «Последних Новостях» от 11 сентября поучает этого «соловейчика»:

> «Ошибка Соловейчика и всех, кто разделяет его точку зрения, заключается в том, что они глубоко проникают в программы и поверхностно скользят по жизни».

«Смотри в корень», учит Талин, а когда всмотришься в **дело,** а не в фразы, то увидишь,

> «что ультра-левый «чемпион» Зиновьев **вынужден** требованиями жизни вступить в союз с оппозицией **справа,** что именно эта оппозиция становится все сильнее, потому что она обеспечивает **за партией** широкую клиентелу всей России. Тут уже очевидно, что выбирать не только нужно, но и легко. Когда Оссовского исключают из партии за приведенные на-днях у нас соображения, что, логически рассуждая, приходится притти к оправданию существования нескольких партий и к санкции начатков формальной демократии, то спрашивается: **чьи это речи?** Когда Сокольников или Медведев низводят фарисейскую советскую даже уже не идеологию, а просто терминологию на уровень житейской реальности в экономической и финансовой сфере,—**чье дело они делают?** Мы

не знаем, тот ли это принцип для выбора, который советует принять «старый друг». Но принцип для выбора здесь имеется и вполне определенный» (21 августа 1926 г. «Советы в России»).

Ничего тут не возразишь, и даже тупоголовые помощники помощника присяжного поверенного начинают понимать, **чьи это речи.** «Да, пожалуй»...

«Лозунг свободы фракций и группировок—это действительно подлинная ревизия ленинизма. Организационный меньшевизм. («Дни». «На мельницу освобождения»).

«И потом ведь писалось же 4 августа»:

«Мы действительно вполне одобряем теоретическую критику сталинского ленинизма со стороны внутрипартийных оппозиционеров». Пожалуй, «Последние Новости» и правы. Ну, вот и хорошо. А то какой-то разнобой получается—Керенский не слушается Милюкова, недопустимо! И уже почти общим мнением является постановка вопроса Талиным:

«Оппозиция развязывает силы сопротивления советской диктатуре, сама этого не желая. **Сталинцы хотят связать эти силы, отдавая себе ясный отчет, чем это грозит в будущем.** Кому же желать успеха?» (11 сентября. «До и для генерального сражения». Курсив мой. В. К.).

И в завершение—четкая формулировка задачи дня:

«До генерального наступления на всех участках фронта и для того, чтобы возможность такого генерального наступления приблизилась, необходимо выставить против оппозиции только сторожевое охранение, избрав центром атаки неприятеля тот главенствующий участок фронта, **где сосредоточены силы ЦК и Политбюро»** (там же, курсив мой. В. К.).

Крепитесь, товарищи - оппозиционеры. К вам идет «помощь». Вы провалились на станции Подмосковной, где вас не стали слушать, провалились на «Авиоприборе», где, несмотря на все силы, брошенные туда, получили ничтожное меньшинство. Провалились в Ленинграде, несмотря на «высокую» гастроль, но зато за спиной у вас надежные силы. К вашей атаке на ЦК и Политбюро присоединяются все белые воины, во главе с убеленным сединами Павлом Николаевичем Милюковым.

«Деритесь, как черти!»—кричат вам со страниц белых газет.—«Подкрепление идет. «Союзники» торопятся на помощь! Мы идем за вами!»

Не должно ли это заставить опомниться?

XI

Слово за партией

Какие же выводы?

Против линии партии, об'единившись, выступает разношерстная оппозиционная группа. Тут и старые испытанные ревизионисты, но молодые большевики. Тут и старые большевики, но совсем юные еще ревизионисты. Тут сторонники бюрократического зажима, тут и певцы широченнейшей демократии. Тут сторонники ликвидации Коминтерна, тут и руководители его.

Все соединились в «священный союз»—Троцкий и... Каменев, Шляпников и... Пятаков, Зиновьев и... Радек. Все обвиняют и кричат, все идут стеною на Центральный Комитет, все подвергая желчной и злобной критике.

Как же, однако, сумели они об'единиться? Как же все-таки сумели сшить они одно одеяло? Кажется, ведь никак не соединишь «Уроки Октября» с «Ленинизмом», но авторы спешат отказаться от своих работ—целуются новоявленные Иван Ива-

нович и Иван Никифорович. Кажется, как помирить «демократа» Сапронова с далеко не демократом Лашевичем?—Однако, ничего, сидят рядком совсем, как «лесные братья». Как помирится Каменев со Шляпниковым? Но мир состоялся. Новых друзей не разольешь и водой. Все слажено, и на собраниях Лев Давыдович Троцкий, ныне выступает за старую большевистскую гвардию, а тов. Зиновьев ругает аппарат. Насмешница история играет иногда злые шутки.

Не ограничимся, однако, констатированием фактов, вдумаемся, почему, несмотря на всю кажущуюся разницу оппозиционных лоскутков, возможно ошить одно одеяло, которое покрывает весь блок.

Белогвардейская печать помогает разрешить это сомнение для тех, кому это не было ясно с самого начала. Одеяло возможно сшить, потому что в основе его лежит **одна подкладка**—напор мелкобуржуазных требований, особенность которых заключается в том, что они могут отливать всеми цветами радуги—от ярко-красного (Зиновьев) до откровенно - желтого (Медведев), но сущность в конечном счете одна во всех оттенках.

Это поняли и учли белогвардейцы—**поэтому они отдали свои голоса оппозиции.**

Это поняла и учла партия—**поэтому она не даст ни одного голоса оппозиционному блоку.**

Каждый член партии, каждый рабочий должен прислушаться к мнению классового врага и понять, что не случайно враги хвалят оппозицию, не случайно присоединяются к ней.

Ни один член партии не может пройти мимо положения, развитого «Последними Новостями» в статье «От ленинизма к марксизму»:

«С провалом московского безумного эксперимента **искренним социалистам** приходится

разорвать с ленинскими традициями и вернуться к более правильному пониманию Маркса, а это значит возвращение к совершенно иному пониманию диктатуры, к отказу от насилия сознательного авангарда над подавляющим большинством населения в стране и к восстановлению **методов демократической республики в управлении страной.**

Переход к этому уже намечен оппозицией: первый этап—фракции внутри партии, второй—разделение единой партии на две, третий—легализация других демократических партий. Таков основной и самый глубокий смысл «скатывания» оппозиции к «троцкизму», «оссовщине», «медведевщине» и т. д. **Процесс этот неизбежен»** (6 сентября. Курсив мой. В. К.).

Наши враги понимают, что пути, намеченные оппозицией, ничего общего с ленинизмом не имеют. Платформу оппозиции они рассматривают, как отход от Ленина и путь к «демократической республике».

Это так. Это бесспорно. Это тот итог, которым мы можем закончить нашу работу.

Но если от ленинизма отошла группа людей, то это не значит, что не по ленинскому пути пойдет **партия Ленина.** Мы не знаем, вернутся ли на боевые ленинские позиции бросившие партию в трудный период товарищи. **Партия, конечно, хочет этого,** но повести **за собой** им никого не удастся. Слишком крепко кована наша партия, чтобы ее можно было расшатать или расколоть. Снова придется господам эмигрантам белые и радостные надежды прикрыть крепом черного уныния.

Разве не безнадежно звучат такие строки гессеновского «Руля»:

«Ничего хорошего нет в том, что после падения надежд у одних на открытое преодоление большевизма, у других—на чужую помощь, у третьих—на то, что само собой устроится, остался лишь расчет на то, что большевики сами друг друга, как пауки в банке, с'едят. Ничего в этом хорошего нет, потому что этот расчет обнаруживает отсутствие веры в собственную деятельность, а такой расчет широко распространен» (23 декабря. Передовая).

Остался лишь один расчет, единственная надежда, одна мечта. Бедные белогвардейцы. Над прахом разбитых и похороненных надежд, связанных с развалом нашей партии, придется им начертать, что

...Снова обманула
Та мечта, как всякая мечта.

И приступить к очередным эмигрантским делам, тоскливо мечтая о возвращении в страну, из которой их выгнали «за ненадобностью».

Расчет белогвардейцев не оправдается, наша стальная партия не пошатнется и не свернет с ленинской дороги, несмотря на то, что удары иногда наносятся... сзади.

1 октября 1926 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

